

Народные представления о смерти (на материале архангельских говоров).

Представления о смерти являются ключевыми для любой культуры. Изучение концептосферы русского литературного языка является продуктивным направлением современной лингвистики. Диалектный язык, как и любой другой, также обладает ключевыми для народной культуры понятиями, которые и формируют концептосферу диалектного языка. В данной работе мы проанализируем сочетаемость общерусского слова смерть и однокоренных образований в архангельских говорах и выявим народные представления, связанные со смертью.

Смерть в народной культуре представляется законом природы, одним из обязательных этапов жизненного цикла человека: *Рождающца, штоп потом помереть, устроена жысь так, значит, так надо. Это закон природы, ничё не измениш, не перевернёш.*

Каждый прожитый день приближает человека к смерти: *День прожыла, к смерти ближэ.*

Время человеческой жизни истекает, как будто кто-то гонит, погоняет его к смерти. *И глазами плохо увидела, ко смерти фсё гонит. К смерти погонид, дак и уколы не удёржат, смёртно возьмёд дак.*

Так как жизнь даётся Богом, грех желать смерти и торопить конец: *Грех смерть молить. А я фсё себе молю. Нажыласе досыта.*

Но многие ждут, дожидаются смерти, прекращения земных страданий: *На пенсию выдеш, какая жызь- нать смерти ждать. Умирать дожыдаю смерти.*

Прекращение жизни в руках Господа: *Умирадь дак я не боюсь, нажылася, только бы Госпоть послаў хорошей смертоньки. Иш вот Бох смерти не даў, фсё тенет.*

При рождении человеку назначена судьбой и продолжительность жизни, и смерть, которой он умрёт: *Это уш на роду человеку написано, кому сколько жыть и кака смерть.*

Поэтому прекращения жизни ждут с философским спокойствием, понимая, что все люди смертны, *не без смерти. Целовек не бес смерти, фсё онно помрём.*

Смерть оценивается человеком с позиции хорошо-плохо. *Хорошая, добрая смерть – это смерть естественная, не насильственная, легкая. Померли доброй смертью фсе. Хочю хорошэй смертью помереть. Лёккая смерть – заснула и не розбудиласе, сама не намаялася и никого не намаяла. Такая смерть может быть названа своей, если же смерть произошла насильственным путём или человек совершил самоубийство, то смерть расценивается как худая, нехорошая, не своя. Своей смерти не приняла, кислоты-от хватнула. Не своей смертью ушол, дак чё. И вот эта фся семья худой смертью помирают. Утопленникам да давленникам не ставили вреста, теперь ставят кресты-ти, смерть-то нехорошая.*

Смерть настигает человека внезапно: *Ну дак што, смерть не спрашыват время-то.*

Смерть – это некий рубеж, граница между миром живых и миром мёртвых. Это представление прочитывается в использовании предлога «у»: *У смерти три раза была.*

Смерть как рубеж представлена и в предложно-падежной конструкции *при смерти*. *Отец подарил мне при смерти эти корзины, дак я сухари сушу козам.*

В говорах отмечается использование слова смерть с предлогом «в», что указывает на восприятие смерти как некоего сосуда, вместилища: *Григорий лежал ф смерти.*

Человек, проживший жизнь, оказывается *на краю смерти*. *На краю смерти чево-то повезла ко Гале ко дочери, он четыре дня пролежал и помер.*

До смерти *доживают, добираются*, до неё можно *доковылять*. *До старосьти-то дожыли, а как до смерти дожывать. Што деладь, дак вот так и живёш, до смерти надо добирацца как-то. Как-нибудь дале доковылям до смерти.*

Пожилого человека *доводят, дотягают, доспокаивают, докармливают* до смерти. *Будёт за бабушкой ухажывать, доведёд до смерти. А кто до смерти будёт меня дотягать. Не доспокоил ты мать до смерти. Маме надо было старикоф докормить до смерти, старики ужэ невзмогли.*

Тяжело больной или находящийся в опасной ситуации человек оказывается *перед смертью*: *Дак я тут перед смертью была-то.*

Умиравший человек находится *на смерти (на смерти)*: *Оба кожи, худые, на смерти ужэ. Человек на смерти.*

Смерть – что-то огромное, довлеющее над человеком: *Ужэ пот смертью была - да отводились таблетками. Она уш потом сказала, когда стала под смертью.*

Близкую смерть человек *несёт за плечами*. *Ты чево-то знаэш, мы веть фсе смерть за плечами несли. Смерть за плечами, ни севодня - зафтра жди.*

Смерть можно *получить* или *привезти* с собой: *Смерть-то получил не спицально. Если тебе дали фторуую группу (инвалидности) - ты смерть привёс.*

Смерть может представляться как мифический персонаж, который хватает человека, держит его в своих зубах: *Она лежала у смерти в зубах, плацет. Сколько рас была у смерти в зубах, дак отколют-отколют.*

Смерть (смертонька, смёртенька, смертынька, смертна) идёт, ходит, приходит или не приходит за человеком: *Разве фсё упомниш, да и смерть не идёт фсё. Везде смертонька ходит. Скоряе бы смерть пришла да увела меня на кладбишшо. Смёртенька бы пришла, как мне хочеца умереть.*

Придя к человеку, смерть как бы поселяется в нём, *привязывается* к нему: *Наверно смерть привязывацца, заленилась фсё делать.*

Смерть *настигает, пристигает* человека: *Боялсе смерти, а фсё равно смерть его пристигла.*

Поселившись в человеке и подчинив его себе, смерть как бы смотрит из умирающего: *Тот уш смертью гледит (умирает).*

Смерть может не *увидеть* человека, и потому не забрать его с собой (*смерть не берёт*): *Они уш тожэ в годах умерли, а я-то зажылась, смерть не видит. А теперь меня, старуху, и смерть не берёт, я видно там не надо.*

Желая забрать человека, смерть может *заблудиться*. *Бога прошу, шоп скорей послал, смерть-то заблудилась где-то.*

Итак, смерть в архангельских говорах представляется как рубеж, конец жизни, нечто предначертанное Богом, судьбой. При этом сильны и представления о смерти как персонаже, который приходит за человеком, забирает его с собой, может заблудиться по дороге или не увидеть готового к смерти человека. Развернутый синонимический ряд ласкательных наименований смерти (*смертенька, смёртенька, смертинка, смертонька, смертынька, смёртынька, смерточка, смёрточка, смертушка, смёртушка*), возможно, свидетельствует о желании «задобрить» смерть и косвенно указывает на восприятие смерти как персоны. Таким образом, понимание смерти основано на глубинных мифических верованиях и более поздней христианской традиции, которые до сих пор сосуществуют в сознании диалектоносителей.

Коконова А. Б. Народные представления о смерти (на материале архангельских говоров) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. 20-23 марта 2010 г. Труды и материалы. М., 2010. – С. 495-496.